

7. История трамвая и троллейбуса Екатеринбурга. С. 11.
8. Зауральский край. 1916. 6 января. № 4. С.3.
10. ГАСО. Ф.62. Оп.1. Д.526. Л.129-129 об., 178 об.
11. Зауральский край. 1917. 25 февраля. № 44. С. 3; 3 марта. № 49. С.2.
12. ГАСО. Ф.8. Оп.1. Д.1982. Л. 86; Ф.62. Оп.1. Д.613. Л.42-42 об.
13. ГАСО Ф.62. Оп.1. Д.613. Л.53-53 об.; Ф.8. Оп.1. Д.1984.Л. 77-77 об.; Захаров С.А. Указ. соч. С. 97.
14. ГАСО. Ф.8. Оп.1. Д.1988. Л.44-44 об.
15. Там же. Л.45 об. – 46.
16. ГАСО. Ф. 8. Оп.1. Д.1988. Л. 286-288.
17. ГАСО. Ф. 8. Оп.1. Д.1988. Л. 286, 355-356; Захаров С.А. Указ. соч. С. 99.
18. Зауральский край. 1915. 31 марта. № 126. С.3; Там же. 1917. 10 июня. С. 3.

Фефилова Т.Ю.

**Возможность использования археологических источников
при изучении истории костюма
(на примере мелкой антропоморфной пластики)**

Костюм разных исторических эпох и народов традиционно изучается примерно на одном круге источников. Естественно, что при изучении костюма XIX – XX вв. он значительно расширяется, чем при изучении более ранних времен, но это всегда письменные, вещественные и изобразительные виды источников.

Абсолютно не заслуженно, на наш взгляд, исследователи пренебрегают археологическими источниками (исключение составляют работы М.Г.Рабиновича) (1), которые могут дать информацию, не содержащуюся в других видах. Это объясняется тем что, археологические источники наверняка можно отнести к наиболее трудным в исследовании при изучении истории костюма, так как, не обладая специальными знаниями по археологии их сложно анализировать и использовать. При этом если у ученого еще есть возможность изучить такую часть костюма древнего человека, как украшения, и методом анализа положения находок по отношению к костяку – его конструкцию, то крой костюма, способы и виды его орнаментации остаются «белым пятном» заполнить которое выпадает на долю уже совсем иных источников.

Бытует мнение, что костюм первобытного человека мало отличался от костюма современных «этнографических» народов. В некоторых работах даже делаются попытки, рассматривая костюм первобытного общества вести повествование о костюме какого-либо современного народа находящегося на ранней ступени развития. Конечно, нельзя сказать, что такой подход вовсе лишен оснований, напротив, они достаточно веские, но все же чисто механический перенос костюма одного народа (или ряда народов) на костюм первобытного человека «вообще» вряд ли адекватен.

Для репрезентативного исследования костюма древних народов необходимо использование всей полноты доступных источников, а главное – сравнительный анализ их типологически разных групп. Только сопостав-

ление археологических находок с этнографически сохранившимся костюмом, письменными и изобразительными источниками позволит «нарисовать» более или менее полную «картину» одежды того или иного народа.

Интересную, и пока не включенную в исследовательский оборот историков и искусствоведов, занимающихся историей костюма, группу археологических источников представляет собой мелкая антропоморфная пластика, найденная на памятниках Зауралья и Западной Сибири. Реалистический характер фигурок дает возможность сделать качественный анализ их орнаментации, сравнить ее с этнографическими данными и, в перспективе – реконструировать костюм древнего человека в его основных характеристиках.

На сегодняшний день известно более сотни находок антропоморфных фигурок. Регион их распространения очерчивается территорией Зауралья и Западной Сибири, время бытования – XI – XIII вв. Правда, в большинстве работ посвященной данной тематике они датировались первым тысячелетием н.э., но С.Ф.Кокшаров и А.П.Зыков в своем последнем крупном исследовании «Древний Эмдер» убедительно доказали, что время существования фигурок укладывается в достаточно узкие хронологические рамки конца XI – XIII вв. (2).

Большинство известных, на сегодняшний день фигурок представляют собой человечка в сидящей (редко стоящей) позе со слабо профилированной головкой и руками в виде выступов. Лицо обозначено заглаженным кружочком с нанесенным по кругу орнаментом в виде точек. Черты лица либо вовсе не выражены, либо обозначены черточками и точками. У одних фигурок выделены ноги, у других фиксируется длинная одежда.

Интерпретация фигурок, с первой находки в 1952 г. на городище Жилье, вызывала сомнения и до сих пор порождает большое количество разных точек зрения. Одни ученые связывают фигурки с детскими игрушками (3), другие – с изображениями хранительницы очага, т.е. придают им сакральное значение (4), третьи, соглашаясь с культовой принадлежностью фигурок, называют их пластической реализацией «духов предков – кователей» (5). Самое последнее время была выдвинута гипотеза о том, что фигурки были принадлежностью какой-то игры, в которой использовались в качестве «фишек» (6). В настоящее время имеются сторонники всех точек зрения, но ни одна из них не вышла за рамки гипотезы. Для исследования истории костюма приверженность к одной или другой точке зрения не может оказать особо большого влияния при интерпретации источника, так как будь то детские игрушки, изображения божества или «фишки», скорее всего орнамент наносился с учетом реально бытовавшего костюма.

Еще В.Н.Чернецов проанализировав богатую орнаментацию антропоморфных фигурок, интерпретировал ее как изображение костюма

угорских племен проживавших на данной территории (7). Он же отметил, что изображенная на фигурке с гор. Жилье одежда очень напоминает хантыйскую или мансийскую парку, что дает основание предположить, что в древности (I тыс. н.э.) эта одежда была распространена значительно южнее, чем ранее считалось. Следом за В.Н.Чернецовым В.И.Мошинская (8) обратила внимание на тот факт, что фигурки можно разделить на мужские и женские. В изображениях мужчин орнаментом или очень реалистичной лепкой обязательно выделяются ноги (на сегодняшний день известны такие фигурки с Барсовой горы, городищ Жилье, Родановского, Юдинского, Рачевского комплекса и др.), а для изображения женщин, в которых ноги вовсе не выделены, характерно особое внимание обозначению груди с помощью орнамента (Рачевский комплекс) или налепов (гор. Юдинское). Исследователь связала эти отличия с характером мужской и женской одежды у угорских племен, которая, как известно по этнографическим данным, у мужчин шьется длиной немногим ниже колена, а у женщин по щиколотку.

Анализ фигурок приводит к выводу, что в большинстве случаев изображена длинная, богато орнаментированная, распашная одежда с особым акцентом на «полосы» вдоль разреза, по плечевым швам и подолу. Последнее предполагает проведение аналогий с хантыйским костюмом, но такой вывод можно сделать лишь очень условно, так как, несмотря на преобладание распашной одежды над глухой у хантов, она известна и у манси (9).

Орнамент на большинстве фигурок нанесен в техниках гребенки, круглого штампа и отступающей лопаточки (10). Полосы, круги и полукружья, зигзаги и меандры не находят прямых аналогий в костюме хантов или манси, что дало возможность исследователям фигурок сделать вывод о сакральном смысле орнамента и ритуальном характере изображенной одежды (11). Однако, среди фигурок с гор. Юдинского, Барсова Гора I/31 и Янычково, есть экземпляры с роговидным орнаментом, который у обских угров носит названия «ветви березы», «заячьи уши», «рога северного оленя».

Отмеченное выше преобладание изображений распашной одежды над глухой, а так же стилизованный «олений» орнамент, могут свидетельствовать о том, что изображение одежды на фигурках повторяет реально бытовавший костюм угорских народов. Более точное отнесение фигурок к народу манси или ханты, пока не представляется возможным, так как условное изображение костюма передает лишь его основные черты, характерные как для хантыйских, так и для мансийских племен, а орнамент в виде стилизованного изображения бегущего оленя, присущ уграм вообще.

---

1. Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
2. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001. С. 123.

3. Мошинская В.И. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири // КСИИМК, 1959. Вып. 75. С. 183.
4. Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X – XIII вв. н.э. // Ученые записки ПГУ. Пермь, 1968. № 191. С. 249.
5. Терехова Л.М., Широков В.Н. Глиняная антропоморфная пластика с памятников эпохи средневековья (по материалам Зауралья и Западной Сибири) // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным / Под ред. Э.Л. Львовой. Томск, 1985. С. 143.
6. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Указ. соч. С. 123.
7. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. № 58, 1957. С. 179.
8. Мошинская В.И. Указ соч. С.182-183.
9. Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М.Г.Левина и Л.П.Потапова. М.-Л., 1961.
10. Федорова Н.В. Новые находки мелкой антропоморфной пластики на поселениях конца I тыс. н.э. в Среднем Приобье // ВАП, 1979. Вып. 2. С. 147.
11. Терехова Л.М., Широков В.Н. Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии: ВАУ. № 18. Свердловск, 1986. С. 133.

Черноухова С.С.

Кадры Екатеринбургского губернского архива в 1919–1923 гг.

Деятельность архивистов в первые годы Советской власти до сих пор представляет собой малоизученную страницу региональной историографии. Практически неизученным остается кадровый состав Екатеринбургского губернского архивного управления (губархива) в начальный период его деятельности.

Общие сведения о кадрах архивных учреждений страны имеются в ряде научных и учебных работ по истории архивного дела (1). Материалы об архивных работниках в отдельных регионах содержатся в диссертационных исследованиях и статьях (2). В уральской историографии многие аспекты деятельности архивных учреждений, в том числе их кадровый состав, освещены крайне фрагментарно (3).

Между тем по этой проблематике имеется значительное количество материалов, не введенных в научный оборот. Они содержатся в годовых и квартальных отчетах Екатеринбургского губархива, его переписке с Главным управлением архивным делом (ГУАД) и другими губархивами, а также в документах личного происхождения: автобиографиях, анкетах. Эти ценные материалы хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Свердловской области (ГАСО) (4). Только небольшая часть этих документов опубликована (5). Большинство материалов впервые вводится автором в научный оборот. Целью статьи является рассмотрение персонального состава Екатеринбургского губархива в 1919–1923 гг., а также условий его деятельности.

После окончательного установления Советской власти на Урале во второй половине 1919 г. началась организация губернских архивов по единой, уже апробированной в других регионах, схеме. Это являлось фактической реализацией в крае декрета «О реорганизации и централи-